

Гул голосов в баре становился все громче. В голове у Чарли зашумело. Ей давно следовало бы уйти домой, но тут у нее появилась компания — некольцованный мужчина в костюме уселся рядом и подал надежду, что вечер может закончиться так, как ей хотелось изначально.

Когда они поболтали какое-то время, мужчина, которого звали Як, спросил ее, откуда она.

— Из Стокгольма, — ответила Чарли.

— Я имею в виду — откуда родом. Мне кажется, у тебя в речи слышен диалект.

— Давненько никто не отмечал, — усмехнулась Чарли. — Я думала, уже и незаметно.

— Чуть-чуть, но заметно. Ты из Эстгётланда?

— Нет, мой диалект — скорее смесь вестгётского и вермландского. Я выросла как раз на границе.

— В каком городе?

— Это просто маленький поселок. Название тебе ничего не скажет.

— Думаю, скажет.

— Гюльспонг.

Як наморщил брови.

— Ты была права. Такого места я не знаю. Прости.

— Можешь не извиняться.

— Так Расскажи мне, — попросил Як. — Расскажи о Гюльспонге!

Чарли как раз собиралась ответить, что рассказывать особо нечего, однако четыре бокала пива сделали ее неожиданно разговорчивой.

— Я жила на маленьком хуторе в сельской местности, вдали от центра.

Сделав паузу, она отпила глоток пива.

— Там стояла целая роща вишневых деревьев, была столярная мастерская и блестящее озеро.

Як улыбнулся, и сказал, что это звучит, как сказка из книг Астрид Линдгрэн.

— Люккебу¹, — сказала Чарли.

— Что?

— Он так назывался — дом, где я жила. Люккебу.

— И ты была там счастлива?

— Да, — ответила Чарли. — Очень счастлива.

Где-то она читала, что никогда не поздно обзавестись счастливым детством. Наверное, именно так и следует поступать: преувеличивать все хорошее и убирать плохое, врать и приукрашивать, пока не начнешь сам во все это верить.

Як спросил, есть ли у нее братья-сестры, и Чарли

¹ Лускебо — счастливое гнездо (*швед.*). — *Здесь и далее прим. пер.*

подумала о детской комнате, ремонт в которой так никогда и не был закончен, о машинках, которые Бетти нарисовала на стенах, о кровати, которую предполагалось прикрепить к стене.

— Да, — ответила она. — У меня есть брат. Мы с ним тесно общаемся.

«Общались, — подумала она. — Теперь все оборвалось». Перед глазами встало лицо Юхана, тревога по поводу их возможного родства.

«Очень надеюсь, что я все же тебе не брат».

И ее ответ: «Мне казалось, ты хотел, чтобы у тебя была семья».

Юхан. В первое время после его смерти она никак не могла отключить слайд-шоу, без конца крутившееся в голове: его взгляд, когда она вышла из озера совершенно голая, кровать в мотеле, вишневое вино в Люккебу. И потом — все то, что так и не сбылось.

— У меня есть сестра, — сказал Як, — но мы почти не общаемся. Мы даже в детстве не играли вместе, хотя разница у нас всего два года. Наверное, потому что нам нравились разные занятия.

— У нас с братом все было наоборот. Мы любили одни и те же игры. Строили шалаши в лесу за домом и играли у воды.

— Так у вас был участок с выходом к морю?

Чарли кивнула. Можно и так сказать.

— А еще мы часто выплывали на середину озера в собственной маленькой лодочке, — продолжала она. — А еще у нас была лиса. Ручная, как собака.

— Да разве такое возможно? — удивился Як. — Приручить лису.

Чарли вспомнила кровавую бойню в курятнике и слова Бетти о том, что зверь всегда остается зверем.

«Они могут казаться совершенно ручными, но рано или поздно звериный инстинкт берет верх». И потом, когда катастрофа случилась: «Что я говорила? Разве я не предупреждала, что все пойдет наперекосяк? Смотри, что вышло!»

— Можно, — ответила Чарли. — Лиса у нас была смиренная, как овечка.

Як придвинулся ближе к ней.

— Звучит как настоящая идиллия.

— Это и была идиллия. Жизнь как в прекрасном сне. Хочешь еще? — она кивнула на его пустой бокал.

— Да, сейчас закажу, — ответил он, поднялся и протиснулся к бару.

Чарли посмотрела ему вслед. Высокий, прекрасно сложен, однако ее заинтересовало в нем не это. В его движениях ощущалась какая-то уверенность, любопытство, когда он смотрел на нее, тонкий баланс между возможностью и сопротивлением.

— Расскажи о себе, — попросила она, когда он вернулся с пивом. — Расскажи о своей работе.

Она уже успела благополучно забыть, чем он занимается.

— Да тут рассказывать особо и нечего, — вздохнул Як. — Экономика — не больно увлекательная вещь. Собственно говоря, я мечтал стать актером,

но родители считали, что это ненастоящая работа, так что... Возможно, у меня бы ничего и не вышло, но...

— Но — что?

— Иногда я жалею, что не попробовал — чего мне стоило сделать хоть одну попытку? А теперь я так и не узнаю, мое это было или не мое.

— Но ведь никогда не поздно? — заметила Чарли и тут же подумала, что говорит ерунду. Вот именно: уже поздно.

— Тогда давай выпьем, — улыбнулся Як и поднял бокал. — Выпьем за то, что никогда не поздно.

— И все же жаль, — вздохнула Чарли. — Грустно, когда родители ограничивают своих детей.

— Твои тоже так делали?

— Нет, вовсе нет. Мама всегда говорила, что я могу стать, кем захочу — только не танцовщицей.

— И кем же ты стала?

— Танцовщицей, — ответила Чарли. — Я стала танцовщицей.

Часы показывали без четверти час. Бар закрывался.

— Что будем делать? — спросила Чарли.

— Я... женат, — пробормотал Як. — Сожалею, если я...

— Никаких проблем, — ответила Чарли, пытаясь скрыть разочарование. Она почувствовала себя обманутой. Почему он не носит кольцо? Если не хочешь, чтобы с тобой флиртовали женщины, рядом

с которыми ты совершенно добровольно сел, то надо, по крайней мере, носить кольцо.

— Подожди, — заговорил Як, когда она поднялась. — Я хотел сказать — мы могли бы...

— Мне надо домой, — ответила Чарли. — Завтра на работу.

— Танцевать?

— Что?

— Я спросил — тебе завтра танцевать?

— Да.

— Я мог бы тебя немного проводить.

— Сама дойду.

— Я могу пройти с тобой часть дороги, если не возражаешь.

Она пожала плечами. До ее квартиры отсюда метров пятьсот — он может пройти с ней этот участок, если для него это так важно.

Середина апреля. От запаха гравия и сухого асфальта Чарли почувствовала себя свободной и счастливой, но все же ей сделалось немного грустно. Хорошо бы весна не кончалась, и ей не пришлось бы выслушивать разговоры о планах коллег на отпуск, испытывать чувство пустоты, которое всегда подкатывало, когда у нее появлялось свободное время.

— Вот здесь я и живу, — сказала она, когда они подошли к ее подъезду. — Спасибо за приятный вечер.

— Тебе спасибо, — проговорил Як. — С тобой интересно поговорить. Ты... не такая, как все.

«Надеюсь, что ты более традиционен», — подумала Чарли, видя, что он весь в сомнениях.

— Я мог бы подняться с тобой наверх, — продолжал он. — Я... строго говоря, я не из тех, кто так поступает, но...

«Знаю-знаю, — подумала Чарли, когда они поднимались по лестнице. — Каждый считает, что он не из таких, а между тем вас чертовски много».

Не попав в замочную скважину, она оставила ключом на двери выбоину. Скоро и эта дверь будет выглядеть так же, как в ее предыдущей квартире — словно кто-то пытался взломать замок.

— Как красиво! — воскликнул Як, когда они вошли. Он поднял глаза к потолку, словно пытаясь измерить его высоту.

Квартиру в районе Эстермальм Чарли купила на отцовское наследство. Поначалу она не хотела брать деньги Рикарда Мильда, но потом настойчивый адвокат уговорил ее проглотить гордость — в противном случае все ушло бы другим его детям и вдове. В тот момент Чарли подумала о гигантском доме своей единокровной сестры на Юрхольме и решила, что примет то, что ей положено по закону.

Вложить деньги в новую квартиру ей посоветовал Андерс. Поначалу она сопротивлялась. Она вполне довольна своей берлогой. Но Андерс ответил, что он не это имел в виду, просто следовало бы подумать о будущем, и даже если ей все равно, то квартирка

побольше может пригодиться, если ей когда-нибудь придет в голову обзавестись семьей.

— Мне такое в голову не придет, — буркнула в ответ Чарли.

Но потом все же стала ходить с Андерсом на показы квартир, когда он подыскивал себе жилье после развода. И при виде этой мансарды с Чарли что-то случилось. То ли ее очаровали камин и потолочные балки, то ли большой балкон, на котором у нее всякий раз начинало щекотать в животе, стоило посмотреть вниз. Стоя там, она услышала, как одна из потенциальных покупательниц шепнула на ухо своему спутнику — дескать, предыдущий владелец повесился в этой квартире. После показа Андерс заявил, что это всего лишь прием, чтобы отпугнуть других покупателей. Чего только люди не придумают, лишь бы сбить цену.

А вот для Чарли же все это имело противоположный эффект. В знаки свыше она не верила, однако разговоры о повесившемся хозяине заставили ее еще больше полюбить эту квартиру. Она вспомнила, как Бетти рассказывала о Люккебу — как ей удалось купить хутор по дешевке после самоубийства предыдущего хозяина. *«Что одному горе, то другому выгода...»*

Неделю спустя Чарли выиграла аукцион, и квартира на улице Грев-Турегатан теперь принадлежала ей.

— Какая картина! — воскликнул Як, указывая на полотно, висевшее в коридоре. — Кто это нарисовал?

— Сюзанна, — ответила Чарли. — Сюзанна Сандер. Моя подруга. Она пока... не прославилась.

— Думаю, у нее все впереди, — сказала Як и подошел ближе. — Восхитительно прописаны детали.

Чарли кивнула и подумала о том, как она обрадовалась, когда Сюзанна подарила ей эту картину. В картине ей нравилось все — бурлящая черная вода, цветущая роща вишневых деревьев, а особенно старый красный деревянный дом, женщина в платье и деревянных башмаках на крыльце, девочка у нее на руках. Это мама с дочкой. Она и Бетти.

— Твоя подруга действительно очень талантлива, — продолжал Як. — Мне нравятся контрасты. Тьма и свет, глубина и поверхность.словно два времени года.

Он указал в правый угол картины, выписанный в более приглушенных тонах.

— Эти одеты по-осеннему, — добавил он, имея в виду спины двух фигур — мужчины и мальчика. Маттиас и Юхан.

Чарли подумала про себя, что Як пропустил самую трагическую часть картины — двух детей слева от дома, новорожденную девочку и мальчика чуть постарше рядом с ней, оба с закрытыми глазами. Поначалу она и сама их не заметила, потому что их одежда сливалась с цветами и травой вокруг. Нужно было смотреть очень внимательно, чтобы разглядеть их лица и очертания.

— Хочешь пива? — спросила Чарли, поворачиваясь к Яку.

Тот кивнул.

— А я и не подозревал, что танцевальная профессия так... так хорошо оплачивается, — произнес он, когда они вошли в просторную, недавно отремонтированную кухню.

Чарли не ответила. Она остановилась, обернулась, одним рывком сорвала с себя джемпер и поцеловала Яка.

— Как ты хочешь? — прошептал он, когда она потянула его за собой в гостиную. Споткнувшись, они упали на толстый ковер.

— Тебе так нравится? — спросил он, когда они стянули с себя одежду, и он начал целовать ее бедра.

Ей было щекотно, однако Чарли все же прошептала в ответ «да» в надежде, что он скорее перейдет к делу. Запустив пальцы ему в волосы, она спустилась ниже, чтобы ускорить процесс.

— Ты так торопишься, — пробормотал он. — Ты такая страстная.

Когда все закончилось, Чарли выскользнула из объятий Яка. Как всего полчаса назад она желала быть рядом с ним, так сейчас хотела, чтобы он поскорее исчез. «Однако Як, похоже, не из тех, кто умеет угадывать чужие желания», — подумала она, когда он снова обнял ее.

— Ты недавно здесь живешь, да? — спросил он.

— Да, а что?

— Мне просто показалось, что у тебя нет занавесок. И вещей довольно мало.

— Я не люблю занавесок и барахла, — ответила она и вспомнила любимое высказывание Бетти.

«Я не путешествую с тяжелой поклажей. Лечу вперед налегке».

Но в конце концов поклажа Бетти оказалась такой тяжелой, что утянула ее на дно.

— Может быть, уже пойдешь домой? — спросила Чарли, сняв его руку со своей груди.

— Ты шутишь? — переспросил Як и сел.